

Глава 16. Истина деревни Куньшуй

За порогом завывал ветер, заставляя сухую траву и посевы на полях жалобно шуршать.

Цзян Чаншэна и Мо Ци пригласили в дом старейшины. Внутри пахло тяжёлой, застоявшейся горечью лекарств.

На кровати в самом центре комнаты лежал бледный мальчишка. Он плотно зажмурился, но лицо исказила гримаса ужаса. Он метался в лихорадке, бессвязно бормоча, словно в кошмарном сне:

— Не подходи... не надо... не подходи...

— С тех пор как малец вернулся, он в таком состоянии, — со вздохом пояснил старик. — Деревенский знахарь осматривал его, говорит — злые духи разум помutilи.

Староста деревни тоже не скрывал тревоги:

— Бессмертный господин, за последнее время это уже не первый случай. Раньше мы частенько ходили к подножию Куньлунышань за целебными травами, а теперь никто и носа туда сунуть не смеет. Стоит приблизиться к горам, как налетает эта нечисть.

— И днём тоже? — уточнил Цзян Чаншэн.

— Да, и днём, и ночью — ей всё равно.

— А разглядеть её удалось?

Староста покачал головкой:

— Те, на кого нападали, обычно сразу в обморок падали. Те немногие, кто отделался легко, говорят, что обличье у этой твари жуткое, всё тело перекошено, а крики — будто стоны призраков из преисподней.

Услышав это, Мо Ци шагнул вперёд. Он внимательно осмотрел ребёнка, и он, обычно бесстрастный и надменный, на миг стал непривычно серьёзным.

Заметив это, Цзян Чаншэн под благовидным предлогом выпроводил старосту и остальных за дверь.

— Что там? — шёпотом спросил он у Мо Ци. — Всё настолько плохо?

Мо Ци задумчиво посмотрел на угасающий в окне свет и бросил:

— Не разобрал.

Цзян Чаншэн поперхнулся:

—...

Заметив его взгляд, Мо Ци вскинул бровь:

— Я тебе не всезнающий оракул.

«Вот оно как».

За время их знакомства Цзян Чаншэн привык, что Мо Ци со всем справляется шутя. Несмотря на холодность и вечное высокомерие, его аура внушала странное спокойствие.

Цзян Чаншэн сам удивился этой мысли. В конце концов, с момента открытия закуской они провели бок о бок немало времени.

Мо Ци прервал его затянувшееся молчание, взглянув на него глубокими алыми глазами:

— Беспокоиться не о чем.

— А?

— Вторая причина, по которой я ничего не понял: здесь нет ничего серьёзного. Я не чувствую злости. Мальчишка просто до смерти напуган.

— Тогда это ещё страннее. Если нет злого умысла, то зачем нападать?

Тем временем наступили сумерки. Багровое солнце тонуло на западе, и последние отблески заката медленно пожирала надвигающаяся серая хмарь.

Оранжевый свет уходил с подножия гор, и густые леса вдаль погружались в непроглядную бездну.

Цзян Чаншэн воссоединился с Ли Хунгуаном, Цзюэжу и остальными, пересказав им услышанное.

— Как думаете, события в деревне связаны с И Чифэном?

Ли Хунгуан, нахмурившись, на мгновение задумался:

— Сказкам о призраках верить не стоит. Скорее всего, какие-то мелкие лешие просто морочат людям голову.

Шэнь Сянь мягко улыбнулся:

— Чем гадать, не лучше ли нам самим спуститься к подножию Куньлуньшань и всё проверить?

Цзюэжу кивнул:

— Согласен.

По-хорошему, им не следовало здесь задерживаться, но деревня Куньшуй стояла слишком близко к великим горам. Учитывая недавнюю встречу с И Чифэном, любые странности в этих краях вызывали невольное опасение.

Остальные практики не возражали, и решение было принято.

Время шло, и на мир опустилась ночь. На тёмном небосводе замерцали холодные звёзды, а ветер стал пронзительно-резким.

Пространство было слишком обширным, поэтому практики разошлись в разных направлениях. Цзян Чаншэн, разумеется, остался с Мо Ци.

— Как думаешь... это «нечто» покажется? — Цзян Чаншэн старался говорить непринуждённо, поглядывая на идущего рядом Мо Ци, чей облик и походка оставались неизменными в любой ситуации.

Тот замер под холодным лунным светом. Его красно-чёрные одежды казались тёмным пятном на фоне ночи, кожа отливала бледным нефритом, а взгляд был бездонным.

Мо Ци с интересом покосился на спутника:

— Ты что, боишься?

— Ха-ха-ха! С чего бы вдруг?

Цзян Чаншэн выдавил смешок, хотя лицо его в лунном свете казалось мертвенно-бледным.

— Подумаешь, какой-то леший. Пустяки.

Вокруг царила мёртвая тишина, тьма сгущалась, становясь почти осязаемой.

Внезапно откуда-то донёсся пронзительный звериный вой, и прямо перед глазами Цзян Чаншэна вспыхнули два жутких флуоресцентных огня!

— А-а-а!

Цзян Чаншэн мертвой хваткой вцепился в плечо Мо Ци, весь одеревенев от ужаса.

— Хозяин, это же я, — Да Ша подбежал ближе, преданно заглядывая в глаза мордой хаски. — Хозяин, я проголодался.

Следом вынырнули рыжий кот и хомяк, принимаясь ластиться:

— Любимый хозяин, твой Мяо-Мяо хочет кушать! Все припасы уже кончились...

Сань Ва, сирийский хомячок, поднял умильную пушистую мордочку, и всё его красноречие выразилось в блеске чёрных глазок-бусинок.

Три питомца окружили Цзян Чаншэна, наперебой требуя внимания и еды.

Мо Ци насмешливо посмотрел. Цзян Чаншэн, вспыхнув от гнева, выпалил:

— И чего ты смеёшься? У меня просто... живот прихватило!

Оправдание было шито белыми нитками, но Мо Ци не стал его разоблачать.

— Даос Цзян, что случилось? — донёсся издалека встревоженный голос Ли Хунгуана.

— Ничего, я просто Мо Ци напугать решил! — не моргнув глазом, отозвался Цзян Чаншэн.

Луна сегодня светила особенно призрачно, заливая мертвенным светом редкую листву сухих деревьев, которые непрестанно шелестели на ветру.

Цзян Чаншэн украдкой оглядывался. Почему-то ему казалось, что в этом шелесте слышится чей-то чужой, вкрадчивый шёпот.

В этот момент со стороны Ли Хунгуана и остальных донёсся шум. Цзян Чаншэн услышал странный звук — не то стон, не то заунывное пение призрака. Раздался лязг вынимаемых из ножен мечей.

Мо Ци мгновенно помрачнел. Бросив короткое: «Я проверю», он в ту же секунду растворился в воздухе.

Цзян Чаншэн остался один с тремя зверушками, которые, не теряя времени, затеяли очередную грызню.

— Это всё потому, что ты ешь за троих! — Эр Пан, рыжий кот, потёр лапкой глаза, изображая горькие слёзы. — Хозяин, ну разве это честно? Крысёныш такой крохотный, а порции у нас одинаковые! Я уж молчу о том, что он постоянно подъедает твои заготовки, пользуясь тем, что может пролезть в любую щель!

Сань Ва возмущенно пискнул. «Ты ведь сам об этом только что сказал!» — читалось в его позе. Он ткнул лапкой в сторону кота:

— На днях я своими глазами видел, как ты стащил кусок из тарелки гостя! А я просто... я просто помогаю им доедать, чтобы добро не пропадало!

Цзян Чаншэн:

—...

Хаски Да Ша, решив выступить миротворцем, пафосно припечатал лапу к земле:

— Друзья мои, мы же братья! Негоже ссориться!

Кот и хомяк синхронно отвесили ему по затрещине:

— Заткнись!

Цзян Чаншэн молча наблюдал за ними.

В обычное время он бы прикрикнул на эту банду, но сейчас... сейчас их шум приносил ему хоть какое-то чувство безопасности в этой жуткой тишине.

Луна удлиняла их тени на земле, сухие ветви скрипели над головой.

И тут Цзян Чаншэн почувствовал, что что-то не так.

Почему на земле пять теней?

Сердце пропустило удар и забилось часто-часто, словно боевой барабан.

Он пересчитал ещё раз. Чья это лишняя тень?

Троица тем временем уже перешла от слов к делу, устроив настоящую свалку. Да Ша, пытавшийся всех помирить, сам оказался втянут в потасовку, и дуэль двоих превратилась в побоище троих.

В этом гвалте Цзян Чаншэн почувствовал у самого затылка холодное дыхание. Его обдало могильным холодом.

Оцепенение сковало всё тело. Он медленно, очень медленно повернул голову.

Прямо за ним стоял зверь. На туловище зверя покоилась человеческая голова, которая сейчас... широко ему улыбалась.

У существа была всего одна рука и одна нога, словно оторванные и приставленные обратно.

— А-а-а! — дикий крик распугал лесных птиц.

Мо Ци резко обернулся. Он ещё никогда не был таким суровым, а его взгляд — таким пугающе ледяным.

Ли Хунгуан и Шэнь Сянь тоже всполошились. Тот леший, за которым они гнались, был невероятно быстр и уже скрылся из виду. Неужели он бросился к даосу Цзяну?

Они со всей скоростью рванули на крик, но представшая перед ними картина заставила их застыть в изумлении.

На земле валялся монстр с человеческим лицом и телом зверя — одноногий и однорукий. Сейчас он был весь в синяках и кровоподтёках, вид у него был поистине жалкий.

Цзян Чаншэн с совершенно невозмутимым видом отряхивал руки от пыли.

Ли Хунгуан выдохнул с облегчением, но тут же поймал себя на мысли, что его беспокойство было излишним. Происхождение даоса Цзяна окутано тайной, так что какой-то мелкий дух для него — не более чем досадная помеха.

— Ты в порядке? — подошёл Мо Ци.

— Угу, — Цзян Чаншэн отвернулся. Он ни за что не признался бы, что питомцы в пылу драки просто случайно «закатали» несчастного духа в землю. Хотя, надо признать, боец из этого страшилища был аховый.

В этот момент Цзян Чаншэн почувствовал, как в его «Дневнике Гор и Морей» зажглась новая страница.

Там появилось изображение духа, а рядом — иероглиф «Чи».

Цзян Чаншэн выхватил кинжал и приставил его к горлу существа:

— Мы всё про тебя знаем. Колись давай, зачем людей пугаешь?

Бедный дух, глядя на обступивших его грозных практиков и ощущая леденящую мощь, исходящую от спокойного Мо Ци, задрожал всем телом.

— Меня оклеветали! — возопил он с праведным негодованием.

— Так это ты навел ужас на деревню Куньшуй? — спросил Цзян Чаншэн.

— Я...

— Это ты сейчас тут призраков изображал?

— Видимо... тоже я.

— Ну вот и всё, дело закрыто. Виновен.

— Позвольте, это же слишком примитивное следствие!

— У тебя есть оправдания? — Цзян Чаншэн прищурился.

— Вот именно! Ты прервал нашу важную битву! — прошипел кот, угрожающе выпустив когти. Не будь этого недоразумения, он бы уже доказал тем двоим, кто тут главный.

— Сдаётся мне, он не злой, — раздался мягкий голос.

К ним подошёл Цзюэжу, сохраняя обычное безмятежное выражение лица.

Цзян Чаншэн и сам об этом подумал. В деревне многие кричали о демонах, но ни у кого не было смертельных ран. А тот мальчишка в лихорадке просто перепугался до икоты.

Цзян Чаншэн спрятал кинжал и, к всеобщему удивлению, протянул существу склянку с исцеляющим снадобьем.

— Ладно, выкладывай, что у тебя там за «тайные причины».

Дух уставился на лекарство в своих руках, а затем крепко сжал его. Он долго молчал, опустив голову.

— Я просто пугал этих людей... — наконец глухо произнёс он. — Чтобы они не смели подниматься на Куньлуньшань. Только так я мог сохранить им жизнь.

Шэнь Сянь с интересом посмотрел:

— И почему же?

— Потому что... — дух содрогнулся. — Теперь любой, кто взойдёт на вершину Куньлуньшань, обречён на верную смерть.

<http://bllate.org/book/17549/1711906>